

Анастасия Акимова

Я – СТИХИЯ

Annotation

Мир, в котором магия исчезла, оставшись лишь в артефактах. Люди, обладающие артефактами и умеющие ими пользоваться, в этом мире считаются магами, хотя сами не обладают магическими способностями. За эти артефакты уже столетиями идут нескончаемые войны, их ищут повсюду – они дают огромную власть обладателю. Только-только наступил шаткий мир... и вот однажды, в непримечательной деревне, в глуши, рождается девочка, которая сама обладает магическим даром. Впрочем, дар это или проклятие в такой ситуации?

«Четыре Стихии»

*Она так упорно верит —
(и веру ее не тронь!):
Откроет любые двери.
Стихия ее – Огонь.*

*Захватит теплом, закружит
И будет в ночи сиять.
Вот только что ты ей нужен
Не сможет тебе сказать...*

*Но если она уходит,
То молча и навсегда.
Обидами перебродит,
Ведь сила ее – Вода*

*Легка и светла глотками,
Но в буре ей нет преград.
Терпением точит камень,
Лелеет дождями сад...*

*Она выплетает нежность,
Из света надежду шьет.
Тыловишь губами свежесть,
Ведь Воздух – душа ее*

*Она для тебя спасенье
От темных полос 'вчера'.
Посланница Провиденья,
Излечит от лжи и ран.*

*Она в ожидании чуда
Ждет белого корабля.
Ты ровен к ее причудам.
Стихия ее – Земля...*

*Ты знаешь – ей места хватит
В реальности и в мечтах.*

*Добром на земле оплатит
И скроется в небесах...*

Екатерина Матюшкина

Тихая ночь опустилась над лесом. Все жители небольшой близлежащей деревни давно спали, и лишь в одной добротной избе на опушке леса ещё горели свечи.

В печке потрескивали поленья, тепло наполняло комнату, в которой наконец-то наступил покой, правда, ненадолго. Крошечный человечек, только что увидевший свет, спешил заявить об этом всему миру, сотрясая избу громкими криками.

Полненькая пожилая женщина в цветастом платке, скрывающем седые волосы, помыла в стоящем рядом тазике окровавленные руки и осторожно взяла на руки ребёнка.

– Кто, Мила? – Тихо спросила уставшая роженица, едва сумев приоткрыть отяжелевшие веки.

Женщина добродушно улыбнулась, опуская плачущего младенца в тазик с тёплой водой.

– Поздравляю, – между делом отозвалась она, – У тебя родилась чудесная, здоровенькая малышка.

– Доченька, – измученно улыбнулась роженица, вновь откидываясь на подушку.

Несмотря на то, что ей, Кэтрин, местной знахарке, было трудно даже пошевелить рукой, каждую клеточку тела, каждую фибру души переполняло счастье. Женщина в свои тридцать два уже не чаяла даже забеременеть, не то, что родить абсолютно здоровую малышку.

– Муж будет счастлив, – вновь улыбнулась она своим мыслям, но поморщилась от боли при попытке пошевелиться.

Повитуха поджала тонкие сухие губы, растеряно взглянув в затянутое ночной мглой окно. Ей уже не верилось, что когда-нибудь это закончится. У самой трое сыновей ушло на войну. Очередную... Они, эти войны, растягиваются на столетия, давая простому люду, которому они вовсе не нужны, лишь передышку в два-три года. Откуда только деньги берутся на всё это? Впрочем, судя по взимаемым с них налогам, оно понятно. А всё эти чёртовы маги, зависимые от своих обожаемых артефактов!

Почти беззвучно пробормотав парочку проклятий в адрес вышеупомянутых особ, повитуха взяла полотенце, и, начав вытирать чуть притихшую новорожденную, буквально застыла на месте.

– Не может быть... – Неверяще прошептала она, надеясь, что ей всё это кажется.

Роженица, пересилив себя, с трудом приподнялась, встревоженно глядя на шокированную женщину.

– Что случилось? – Голос дрогнул от волнения.

Повитуха мгновение могла лишь растерянно и изумлённо смотреть на новоиспечённую мать, беззвучно открывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыба.

– Язык не повернётся сказать, – наконец, заторможено пролепетала она, поднося малышку к матери, – Лучше сама взгляни.

Та взглянула... и обомлела: предплечье малышки, словно цветные браслеты, обвивали четыре дракона, кажущиеся живыми.

Каждый с детства знает, что драконы – символ магии и могущества. Раньше, несколько веков назад, маги и ведьмы рождались со знаком звезды, а маги-стихийники – с изображением дракона, чей цвет символизирует стихию: синий – вода, изумрудный – земля, красный – огонь и прозрачно-голубой – воздух. Вот только проблема в том, что все маги и ведьмы исчезли с лица земли более пятисот лет назад и волшебство осталось только в

предметах – артефактах.

Человека, умеющего пользоваться артефактом, считали магом, хотя у него самого изначально никаких магических сил не было. За эти самые артефакты с тех пор и ведутся нескончаемые войны, потому что магия – это сила...

– Это... это же... – сбивчиво, невнятно прохрипела Кэтрин, – Это... невозможно!

Девочка вновь перестала плакать и счастливо улыбнулась на руках у матери, перебирая ножками. Карие глазки, в которых, казалось, танцевали отблески огня, тут же стали ярко-ярко синими...

– Оказывается, возможно, – покачала головой старушка, сочувственно глядя на новорожденную, – Нелегко вам придётся, ой, нелегко... Ты не волнуйся, я никому ничего не скажу, а сама прячь девочку от шумной толпы, мало ли какие люди бывают на свете... тогда, небось, убережёшь её от этих иродов-артефактников...

Кажется, грядут перемены. Не дай Бог, чтобы она попала в руки к магам. Они и так беснуются из-за артефактов, не скупясь на смертоубийство, а коль про неё прознают – несдобровать.

– Не накликай беду! – Кэтрин взволнованно перекрестилась, – Скрою её здесь, подальше от внимательных глаз. Только, умоляю, сдержи слово, не говори никому.

– Вот те крест, не скажу, – пообещала повитуха, – Храни вас Бог. Пожалуй, мне пора.

– Доброй ночи, – машинально отозвалась Кэтрин, судорожно прижимая к себе малышку, которая, пригревшись у неё на груди, очень быстро уснула. Женщина чувствовала, как ровно бьётся совсем рядом её маленькое сердечко, и поняла, что нет в мире большего счастья, чем счастье знать, что её кроха жива, здорова, что она рядом. Ради этого не жалко ничего на свете. Лишь бы так было всегда...

Глава 1

На удивление жаркий вечер здесь, у самого леса, был особенно прекрасен. Палящее, как и днём, солнце золотило бескрайние луга и маленькие полянки, проскальзывая сквозь пышную крону вековых деревьев. Лес этот был смешанным, потому рядом с елями стояли берёзы и клёны. Всё вокруг пропахло первой земляникой, так и подбивая сорвать одну из этих вкусных ягод, растущих здесь всюду. По ясному небосводу разбегались белые барашки облаков, внизу у холма бойко журчал ручей.

У самого края воды, подобрав подола платья и окуная босые ступни в прохладную воду, сидела девушка, задумчиво разминающая руки, то и дело с улыбкой бросающая в ручей прибрежные камешки. Полненькая, весёлая и румяная, с большим бюстом и миловидным личиком, она то и дело теребила высыхающие пряди медово-рыжих волос. Девушка краем глаза наблюдала, как поят своих уставших лошадей кузнец Кузьма и его сосед, крестьянин Фома. Здесь каждый житель знал друг друга в лицо.

– Кэролин, ты чегось там сидишь? – Заприметил её Кузьма, вдоволь напившись воды.

– Просто присела немного отдохнуть, – кротко улыбнулась девушка, поправляя сарафан.

– Эдак и не вырастет ничего, – уже обращаясь к крестьянину, вздохнул купец, – Пашем, садим, а оно всё под солнцем погибает.

– Видать, такова доля наша, – смиренно отозвался тот, – Случись чего, то питаться будем чем придётся. Не впервой.

– Твоя правда, – понуро кивнул тот, снова подхватив коня под уздцы, – Но всё-равно тревожно как-то. И хоть бы мелкий дождик прошёлся, а то земля как дерево.

– Что Бог послал, – пожал плечами крестьянин, – авось, всё наладится.

– Будем надеяться, – уже удаляясь, мечтал кузнец.

Девушка, которую нехстати забыли, задумчиво посмотрела им вслед. А ведь и впрямь дождя долго не было...

* * *

*С восходом солнца уходят росы,
В зеркальных бликах речная гладь.
А в речке ивы полощут косы,
Кругом приволье и благодать.*

*Реснички вскинув, стоят ромашки
И словно просят на венок.
И веет запахом сладкой каши
Едва проснувшийся ветерок.*

*А солнце птицей летит к зениту,
Объятые знойным приходит день.
И пышет воздух огнём разлитым,
И не спасает лесная сень.*

*Не слышно пташек в жаре несносной,
В лесу молчанье и тишина.
Янтарным соком исходят сосны,
Смолой насытившись допьяна.*

*От зноя стали глаза раскосы,
Нырнуть бы в речку и не всплывать,
Туда, где ивы полощут косы,
Где днём прохлада и благодать.*

Денисова Л.

Кэролин

Потянулась к одной из самой близких мне стихий. Вода. Спокойная и прекрасная, она способна как созидать, так и разрушать. Без воды не было бы нас, не было бы земли. И, возможно, это самая мощная стихия из всех четырёх. Пусть не столь стремительная и завораживающая, как пламя, но всё же...

Податливая стихия откликнулась, наполняя теплом всё тело, и, повинувшись мне, скопилась в тёмные тучи. Затем, потянувшись к воздуху, собрала их, и... стал тихонько накрапывать долгожданный дождик, орошая жаждущие влаги поля и леса.

Когда тебя наполняет стихия – это непередаваемое чувство. Будто ты сливаешься с чем-то мощным, неуловимым и свободным, становясь частичкой силы жизни, силы самой природы. Будто по венам вместо крови течёт та стихия, что ты призываешь... и это как минимум необыкновенно.

– Ого... – с той стороны берега, где-то далеко, послышался радостный голос Кузьмы, – Чудно...

Если мама узнает, ох и достанется мне на орехи! Потому что мне нельзя быть замеченной за использованием магии. Нельзя, иначе будет худо. Но ведь я делаю только то, что нужно не только мне?

...Как красиво и свежо у нас во время дождя!.. По ручью бежит красивая рябь, все запахи леса обостряются, свежо... И вспоминается беззаботное детство, когда бегала под таким вот дождём босой, напевая детские песенки. Вспоминаются тёплые дождливые вечера, в тот единственный год, что папа был с нами. Потом его и многих других снова забрали на войну... больше он не вернулся.

После этого мама жила только ради меня. Обучила своему мастерству – лечить хвори да раны всякие, в травках разбираться. Дело полезное. Но магию стихий строго-настрога запрещала использовать. Я в детстве очень расстраивалась из-за этого, так как тогда стихии мне казались живыми и дружелюбными. Почти что заточённая в маленькой избе у леса, я сделала их подругами своего детства, да и сейчас мне нет никого ближе них, кроме мамы.

Если честно, я перестала бояться того возможного будущего, которое предрекала мама, в случае, если обо мне узнают. Человек не может бояться вечно, иначе страх испепелил бы его

изнутри. Чему быть, тому не миновать – так, вроде бы, часто говорят умудрённые жизнью люди. И я перестала понимать извечное мамино беспокойство на этот счёт, она боялась меня даже на рынок порой отпустить.

«Достаточно просто взглянуть тебе в глаза, и даже полный дурак поймёт, что ты переполнена стихийной магией» – укоризненно качая головой, часто повторяла мама, взволнованно поглядывая на меня.

Да, эта особенность во многом меня выдаёт. Цвет глаз меняется по настроению: когда злюсь – они карие, в них пляшет огонь, когда счастлива – они ярко синие, как вода, когда тоскливо – серо-голубые, цвет воздуха, а когда спокойна – изумрудные, это цвет земли. Так же меняются, когда применяю ту или иную стихию. Поэтому мама права, но... я устала бояться. К тому же, природную беспечность подстёгивал тот факт, что пока о моих силах никто не узнал, и потому оставалась крепкая надежда, что никто никогда и не узнает. Возможно, ради этого мне придётся всю жизнь быть одной, но я стараюсь не думать об этом и надеяться, что всё в жизни сложится, как у обычных людей – будет своё хозяйство, просторная избушка, любимый муж и ребятишки. Кто-то скажет, что это слишком скучные мечты, что от жизни надо требовать большего, но я в их число не вхожу. Каждый волен по-своему понимать слово «счастье» и стремиться к нему по-своему. Где-то за хиленькими стенами деревни, за этим лесом, начиналась другая жизнь – балы, королевский двор, увеселения, но я от такой жизни была далека и мало имела о ней представление. Обычно людей манит неизвестность, но конкретно в данном случае я за собой такого не замечала. Потому, читая сказки и романы – благо, мама обучила меня грамоте – я с трудом могла представить себя на месте героинь. Всё переносилось на привычный деревенский быт, в котором, кто бы что ни говорил, есть своеобразная прелесть.

[Купить полную версию книги](#)